

Милеева песня

Был Милей лицом прост, нравом кроток, сердцем жалостлив. Идёт по лесу – деревце из-под валежника высвободит, идёт по деревне – девице вёдра поднесет или свистульку смастерит ребятам на радость. А на дудочке играл так, что соловьи замолкали, заслушивались.

И во всём ему музыка слышалась: заскрипит ли колодезный журавль, зажурчит ли ручей, зашумит ли на озере высокий камыш – он остановится, глаза закроет и слушает. А люди на него пальцами показывают и посмеиваются: «Не пахарь, не жнец, заплате заплате в пустой рот глядит, а он – словно дитя малое...»

Молва – не трава, зря не шумит. Брался Милей пахать – ряд пройдет, задумается, птичьих песен заслушается, за дудочкой потянется, принимался лес рубить – взмахнет топором, да на крону густую засмотрится и пожалеет дерево...

Оттого карманы его были пустыми, а штаны латаными-перелатаными. Доброту на ярмарке не продашь, а за песни деньги брать совестно: не потому птица поёт, что голодна, а потому, что весела. Позовут на праздник или на свадьбу играть – он и рад, угощение поднесут – он и счастлив, ещё и спасибо скажет за то, что слушали.

Но отгуляет праздник, народ за работу примется, и опять Милей у молвы не в чести, слушают его лишь деревья да травы, птицы да стрекозы, да ещё Маша – кузнецова дочь. Дудка у него, как думка: на душе радостно – и песня рекой разливается, а взгрустнётся – и песня, как тонкий осенний ручеек, журчит чуть слышно, ищет, к какому берегу притулиться, у какого сердца найти приюта... А как хотелось Милею, чтоб любили его песни и в будни, и в праздники, и чтоб особенно любила молодая Анфиса Афанасьевна.

Вот настала пора осенних свадеб – берёзы золотые ленты в косы вплели, нарядились девицы в шёлковые сарафаны, молодцы новые поддёвки надели. Совсем невмоготу стало Милею в одиночестве, и как-то в престольный праздник выпросил он у соседа пиджак, взял дудочку и пошёл к Анфисе Афанасьевне свататься. Идёт, спешит, полы пиджака, словно крылья, развеваются...

Анфиса Афанасьевна тем временем собиралась на ярмарку, словно будущее счастье на себя сарафан примеряла, по бокам оглаживала. Была она на селе первая красавица и модница, из дому не выходила, не нарядившись в расшитый сарафан да в парчовую шубейку, не подпоясавшись золотой подвязкой.

Услышала она Милееву дудочку, распахнула окошко, думала: принц заморский или, на худой конец, именитый купец о красоте её прослышал, в дальновидную трубу приметил. Выглянула – нет, не принц с трубой – Милей с дудой. На пиджак не взглянула, песню не дослушала.

– Зря, Милей, стараешься, песни твои на хлеб не намажешь, в сундук не положишь. Какой от песен прок? Золотые они, что ли?

И окошко захлопнула. Опустил Милей дудочку. Полы пиджака подрезанными крыльями повисли. Побрел обратно несолоно хлебавши, а народ над ним потешается:

– Не для тебя, дудец, красна звёздочка! Гляди-ка лучше под ноги – звёзд не найдёшь, хоть не упадёшь!

Вышел он за околицу, видит: ивы серебрятся, в тени ив криница, а над криницей свет струится. Заглянул в колодец, а там, в глубине, на самом дне – звёздочка.

Обрадовался Милей: пусть говорят, что не хватать ему звёзд с высоты, он свою звезду из глубины достанет. Наклонил журавль, зачерпнул воды – засияло, заискрилось в ведре окованном.

Вдруг кто-то просит: «Дай, молодец, напиться». Оглянулся – стоит старичок, худой и кривой, как сухой сучок. Протянул ему ведро, тот и отпил-то чуть, а звезды – как не бывало.

Утёр старик бородёнку и говорит:

– Шёл я из стран жарких и знойных – нигде напиться не мог. Ты мою жажду утолил, проси за это всё, что угодно. В моей котомке все чудеса света. Хочешь скатерть-самобранку, хочешь сапоги-скороходы или шапку-невидимку?

Милей поразмыслил: скатерть разве чудо – наешься и другого дива захочешь, сапоги разве чудо – свет облетишь и заскучаешь. А под шапкой от кого прятаться, что он – тать?

– Не нужно мне, дедушка, ни скатерти, ни сапог, ни шапки, а вот, если можно, сделай, чтоб люди мои песни любили так же, как любят золото.

Удивился старик.

– Не было такого отродясь! По крайней мере, на моем веку. Но попробуем – попытка не пытка!

Молвил так и исчез, как в воду канул.

Тут ударили колокола, загрела музыка – на соборной площади началась ярмарка.

Пришел Милей на площадь, а она уж ульем гудит – со всей округи народ съехался, в глазах рябит от ярких палаток, девичьих пёстрых полушалков, красных картузов и воздушных шаров. Цыгане шумят, слепцы поют, кричат развесёлые лоточники и коробейники, купцы костяными счётами щёлкают, заезжие музыканты в балаганах играют на балалайках, на барабанах, а огромные дудки медным жаром горят.

Достал и Милей свою дудочку, встал с ней в сторонке... Запела дудочка сначала тихонько, будто сама с собой заговорила, потом всё звонче, заливистой... Полились звуки золотым ручейком, поднимаясь всё выше, разливаясь всё шире...

И вдруг светлее стало на площади, померкли воздушные шары и цветные полушалки, замолкли трубачи и барабанщики, горластые глашатаи и громкоголосые певцы, все слушают, дивятся, на небо показывают. А там, над площадью, зарницей горит Милеева песня, в солнечных лучах золотом отливает, всё ярче, всё явственней, и вдруг сорвались и посыпались сверху золотые монеты – зазвенели, заскакали, покатались по мостовой!

Раздался единый вздох, и словно вихрь подхватил толпу: все бросились монеты ловить, да как поняли, что они настоящие, чуть не подавили друг друга. Такой шум-гам поднялся, что и песни не слышно. Побросали товары купцы, лотки лоточники, все ползают по земле, гребут, рвут золото друг у друга, и каждый поближе к музыканту пробиться норовит.

А больше всех суетится Анфиса Афанасьевна, прямо из-под ног Милея деньги выхватывает – роскошные косы растрепались, дорогие ленты расплелись, цветастый платок набок съехал, сыплет золото в поднятый подол и кричит:

– Он ко мне свататься приходил! Мой Милей! Моё золото!

А дудочка всё пуще играет, всё гуще золотой дождь.

И только Маша, кузнецова дочь, вместе со всеми не суетится. Её толкают, а она не замечает – глядит, как радужным фейерверком сияет-переливается в небе Милеева песня, и смеётся от радости.

Целый час играл Милей без усталости, наконец, опустил дудочку, дух перевести. Но лишь замерли последние звуки песни – прозвенели последние монеты, и золота как не бывало...

Глянула Анфиса Афанасьевна в поднятый подол, а там – пусто. Покраснела она от стыда и досады, схватила Милея за грудки, так что пуговицы с пиджака посыпались. Следом и другие опомнились, стали хлопать по карманам, заглядывать в мешки и корзины: везде вместо золота только сор

да вялая осенняя листва. И такая всех обида взяла, словно обобрал их Милей. Набросились на него с кулаками.

- Ах ты, дудец-надуватель! Бей его! Ломай дудку!

Растерзали бы, если б не Маша. Расталкивая всех, бросилась она к Милею на помощь, загородила собой. Вырвался он в суматохе - только пиджак в руках у толпы остался. Нырнул в первый попавшийся переулочек и задворками да огородами выбрался за околицу. Остановился, отдышался, видит: знакомые ивы серебрятся, под ивами - колодец. Наклонился воды испить...

- Что, певец, снова звёзд захотелось?

Отглянулся - перед ним знакомый старичок. Махнул рукой.

- Не нужно мне больше ни звёзд, ни золота... За шумом да звоном никто и песни-то моей не услышал. Свету от неё, как от звезды в колодце: пока в глубине - горит, а вытащишь - и нет её.

Усмехнулся старичок в седую бороду.

- Чем же тогда тебя наградить? Может, всё же шапку невидимку возьмёшь или скороходы?..

- Ничего мне больше не нужно и никто не нужен. Хочу быть один - свободным, как ветер!

- Ну, тогда тебе и то, и другое не помешает...

Развязал старик котомку, достал волшебные сапоги и шапку. Обулся Милей, шапку нахлобучил и исчез - как ветром сдуло... Только ивы зашумели да с берёз посыпались золотые листья.

С тех пор гуляет Милей по свету, распевая свои песни. И бывает, донесётся их отголосок до людей, тронет душу, преобразит всё вокруг. Серебром вспыхнут травы на лугах и покажутся листья осенние чистым золотом. Но только на миг - так быстры его сапоги-скуроходы, что понять не успеешь, отчего забеспокоится вдруг сердце, захочет чего-то несбывшегося, никем не обещанного...

Заслышав песни ветра, вспоминают Милея в родной деревне: без него свадьба не свадьба, праздник не праздник - отгуляют, как отработают. Вздыхает иногда по Милею Анфиса Афанасьевна и сама не знает, почему вздыхает...

И каждый вечер выходит за околицу Маша кузнецова дочь. Приходит к серебристым ивам, к заветной кринице, вглядывается во тьму сумеречную, вслушивается в шёпот листвы и песни ветра, ждёт и верит - донесётся однажды знакомая музыка и вернётся Милей.